

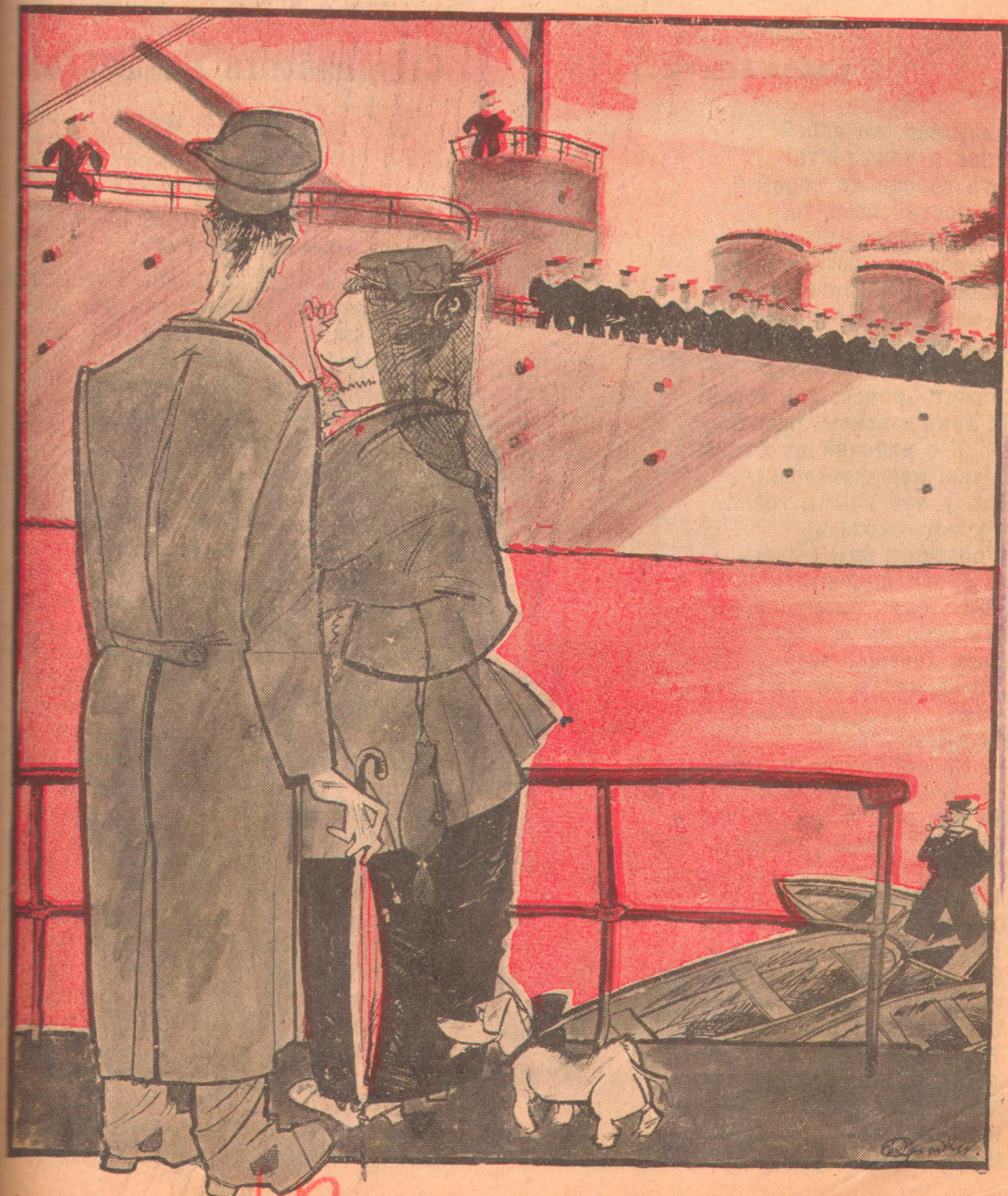
ГАВРИЛО

№ 17. Сентябрь, 1925 г.

Издание газеты „Пролетарий“— орган ВУСП.

ФЕДОТ, ДА НЕ ТОТ.

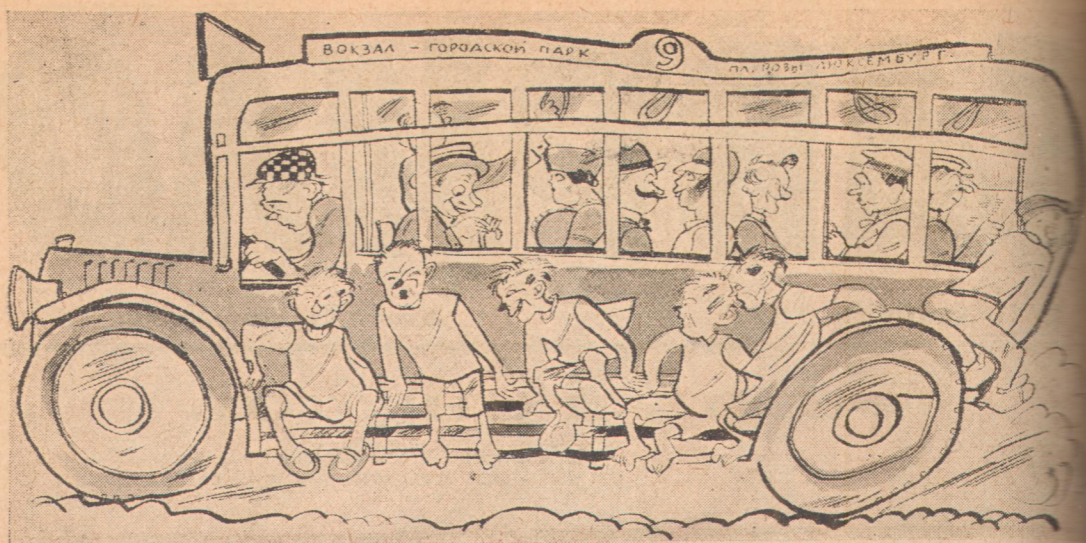
Маневры возрождающегося красного флота вызывают смещение в сердцах буржуазии.

Центральная Научн.
учебная библиотека

— А я вам говорю, Семен Павлович, это не иначе как французы приехали, с целью интервенции.

— Какие там французы! Вот тот корабль, итальянский.

Трепач.

Завирайся, не робей
 Спора и конфликта!
 Хоть словцо не воробей,
 Без костей язык-то.
 Одурачивай, колпачь,
 Не красней—чего там?!..
 Хорошо поет трепач,
 То-есть, как по нотам.
 Застарелый геморрой
 У него... Не троньте!
 Скажет—ранен, как герой,
 На гражданском фронте.
 — „Я-с рабочий от станка“
 (Щеки, как фразоли).
 Мол, у вас кишка тонка,
 А у нас—мозоли.
 И покажет вам мозоль
 На своей подошве...
 Ну-ка, эдак размусоль—
 Как узор на прошве!
 Ежли хочешь, получи
 „Мужичка“ в нахале:
 — Вы, грит, ели калачи,
 Ну а мы—пахали.
 — Как попал он в Треснитрест?
 — „Спец с огромным стажем!“
 На поверку: в тресте тесть
 Служит... завом, скажем.
 Говорит Марусе!—Так-с,—
 Лежа на диване,—
 Соглашайся... К черту ЗАГС!
 Там одни мешчане.
 Да, он может, он таков.
 Не поверь, опешь, но
 Современный Хлестаков
 Треплется успешно.
 Трепачу все по плечу,
 Хоть глупей он пробки.
 Врет, покамест трепачу
 Не пропишут трепки!

МИХЕЙ.

Стыдливость на местах

Один из райисполкомов
 гилевского окр. запретил
 лицам появляться в об-
 щественных местах с корот-
 рукавами.

(Записки пред. РИК'а).

Приехал Федька Клеш. Говорит,
 у них в районе комсомолка на вели-
 педе каталась. Ну, у меня, бог мил,
 такого безобразия нет.

Оно и понятно: держу всех в стр-
 гости и за всем смотрю сам.

— Царица небесная! Разврат пере-
 нулся уже в мой район.

— Да разве за всем уследишь? Ка-
 кой сегодня случай был. Иду в
 райисполкома, глядь—навстречу
 эдакая прет: рожка напудрена и юбка
 роткая. Ну, в рассуждении первого,
 еще ничего—повернулась, значит, де-
 лицом к городу, ну и ремонтирует
 юбку, а вот касательно юбки, я уж
 стерпел. „По какому, говорю, декр-
 гражданка, ты кургузую юбченку наде-
 ла? Из каких циркуляров, говорю, фор-
 ты эту вычитала, чтоб твою подколен-
 чашечку насквозь видеть можно бы-
 ло?“ „Что вы, Пантелей Семенович, отвеча-
 ю по журналу сделано“. Ах ты, ду-
 шоволох: еще туману подпускает! „Я
 говорю, гражданка, все журналы чита-
 ю. „Прожектор“ там разный, опять
 „Гаврилу“, а про юбки, извините,
 черта там не сказано“. „Это, смеется
 модных журналах объявляется, „Пари-
 скими“ называются“. Здесь уже
 выдержал.

„Как?—кричу—Чемберлен нам
 кости разные, а вы его развратные

сите? А ну, пожалуйста в милицию".
Думаю пресечь зло в корне.

Караул!!! Разврат захватил мой район доску. Сегодня опять случай. Встретил на улице Катю Борщ в полном обнажении: рукава по локоть и шея голая. Меня аж дух захватило.

— Ах растуды твою, — кричу — бедняжка! Нешто здесь баня, чтоб нашим ходить? — Конечно, арестовал. Думаю написать обязательное постановление на предмет одежды. Дальше так жить невозможно.

Постановление завинтил наять. „Предлагается всем лицам женского персонала носить юбки по щиколотку, а кофточки на ручную кисть. За выше этого — не менее месяца штраф“. Показал секретарю. Смеется. „Такие приказы, говорит, еще Салтыков-Щедрин писал“. „Чтож, говорю, значит и у него в районе голый разврат был“. Значит, я не один; тем лучше.

Ничего не понимаю. Продернули в газете. Бегал по району и срывал постановления. Хорошо, если этим только и кончится, а то еще — чего доброго — в „Гаврилу“ попадешь. Разделают под орех, проклятые. Ох, тяжело нашему брату за бабьем присматривать!...

Сергей Чмелев.

РЕМОНТ ИДЕТ.

— Это возмутительно, гражданин домовладелец... Целый год вы с меня 100% надбавки на ремонт берете, а никакого ремонта не видно.

— Что значит, не видно... Уже 2 месяца, как моя жена на даче с детьми живет; как же вы говорите: ремонта не видно...

ГОТОВИТСЯ СПЕЦИАЛЬНЫЙ НОМЕР

«ГАВРИЛЫ»

„О ПРОДУКЦИИ“.

По привычке.

В Мартен. цехе зав. им. Петровского (Екатеринослав) при расчете неправильно выдают зарплату: одному не додали 10 руб., другому — 15.

- Тов. начальник, мне уже четвертый раз не додают по 15 руб.
- После четырех раз пора бы привыкнуть, а не морочить мне голову пустяками.

(Отпускные итоги в 4-х письмах).

I.

„Дорогой друг Петя! Наконец-то я уже могу послать тебе, а также сослуживцам—привет от меня и жены с очень скорого поезда, который мчит нас в южную сторону с плацкартой.

Кругом и повсюду благодать, как то: без конца мелькают столбы телеграфные и проволока тоже. Все же остальное до того живописно, что прямо не поддается никакому перу описания.

Кроме всего вышеизложенного, испытываем мы большую самостоятельность по причине двадцати банкнот в червонном исчислении, зашитых в места, трудно находимые дорожными ворами.

Сумма как известно — не шуточная: еще в совзнаках собирать начали и, принимая в аванс продуктовую плодovitость юга, то предвкушаем“.

Твой А. Шляпкин.

II.

„Дорогой Петя! Не писал я тебе уже неделю, так как у нас с супругой вышел квартирный кризис с небывалой дороговизной оплаты и прочими неудобствами.

Продукты по случаю большого прибытия курортных гостей, а также местного гостеприимства достигли высокой квалификации. Так что южная плодovitость природ такова: фрукт и овощ растут так себе—средне, ну цены на них произрастают сверх сметы.

И мы с женой уже признали за радикальность воздерживаться от фруктов по причине якобы остроты желудка. Также и в зрелища постановили не ходить для успокоения невроза и предпочитать хлеб насущный“.

Твой А. Шляпкин.

III.

„Дорогой товарищ Петя! В виду усиленного хозрасчета и политической экономии в отношении крупной себестоимости вплоть до морского воздуха, то жена моя на второй

неделе южной жизни подкосила ногу заболела сильным ослаблением здоровья в смысле недоедания и в настоящее время находится с Реомюром под мысками в тщательной надежде на приезд доктора, каковой требует за визит в ред и таковых в наличности ничего не оказывается.

Весьма сожалеваю, что не привез с собой самоучителя медицинского лечения и питаю заметную надежду на самостоятельную поправку вышеупомянутой жены“.

А. Шляпкин.

IV.

„Петя, родной! По случаю неимения денег на дороговизну телеграммных сообщений телеграфирую тебе письмом без марокно с доплатою.

Выручай, дорогой Петя! Живем сплошным солнцем в отсутствии помпешения и жена вылезла уже из кожаной обуви. Остались одни кости.

Что касается меня, то утратил в местном рынке мужское достоинство в общем смысле последних брюк, остался в одних полосатых трусиках, ввиду чего и в интересах дальнейшей жизни срочно умоляю: шлите деньги на обратную дорогу.

Твой несчастный Шляпкин.

Письма с прискорбием публикует
Л. Митницкий.

Уважительная причина

Турецким чиновникам воспрещено носить мундиры с карманами для предотвращения взяточничества.

(Из газет).

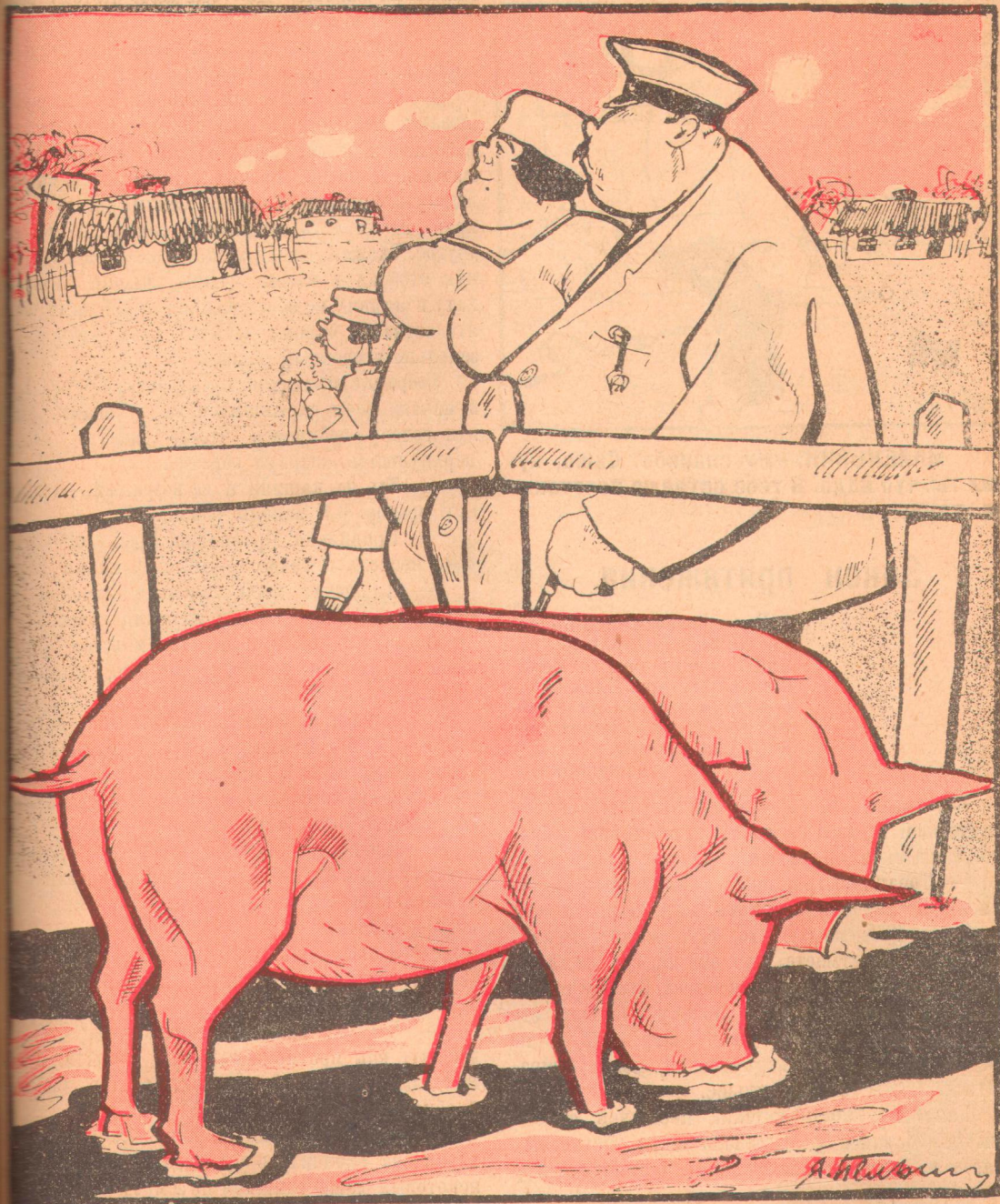

ПУТЕШЕСТВЕННИК:—Как тут пройти к мосту?

ЧИНОВНИК:— Не могу знать, потому что нос и оба уха уже заняты деньгами.

СВОЙ СВОЯ ПОЗНАША.

Семья директора Чубаровского сахаровода, состоящая из 3-х душ, занимает 5 комнат. Директор отказался предоставить 1 комнату двум учительницам.

СВИНЬЯ:—Знаешь, Хавря, после выхода в свет 17-го № „Гаврилы“, этого бора переселят к нам на уплотнение.

ПОПОВСКИЕ ЧАСТУШКИ.

даром Русь крестилась,
спасают чудеса.
вселенная взбесилась,
дыбом небеса.
восстанье, дальше стачка,
коммуны пышный цвет—
революции болячка
зажила целый свет.

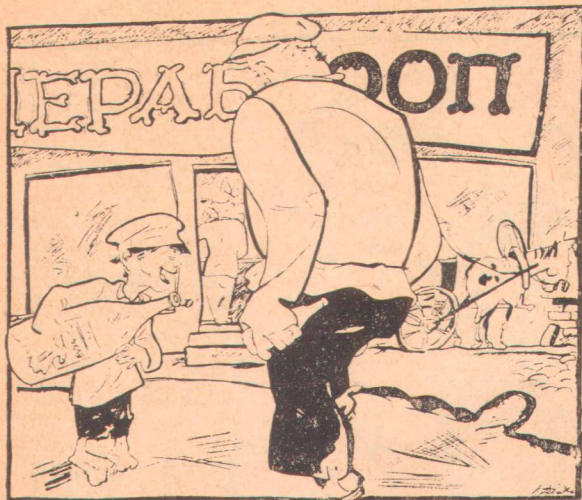
В слово божье не верят,—
Обалдел совсем народ.
Уж такое нынче мелет!
Уж такое нынче врет!
Что же делать, боже правый,
Вразуми и научи!
Или сам творить расправу
К нам на землю соскочи.

Если ж, боже вожделенный,
Не пошлешь нам чудеса,—
Пропaday моя телега,
Все четыре колеса!
Остригу свою „прическу“,
Френч надену, галифе,
И напьюсь с досады в доску.
Но не в храме, а в... кафэ.

Л. Зубков.

Выход.

Запрещено продавать малолетним русскую горькую.

МАЛЕНЬКИЙ:—Ну спасибо, Саша, купил ты, что надо. Я тебе оставлю полстопки за труды.

Закон притяжения.

В с. Красном (Донбассе) состоялось собрание селян по вопросам земельного характера. Член сельсовета в пьяном виде полез на сцену объяснять земельные законы.

(Кочегарка)

Вздохмаченная фигура выдвинулась бочком из боковой кулисы на сцену и, окинувши собрание блуждающими глазами, начала:

— Товарищи-граждане, ежели вы насчет земельных законов, то, хотя я и пьян, я вам разясню. Во первых, что есть земля? Прах!.. Но ежели вы думаете, что она просто земля и край,—вы очень даже ошибаетесь. Она не только земля, она еще и шар. О! Почему она шар, это дело не ваше. Говорят вам шар,—вы и не возражайте... А кому не нравится, может отправиться. А мы пойдем дальше.

Как бы в подтверждение последней фразы, фигура, балансируя, сделала пару нетвердых шагов и, чуть не свалившись, остановилась у авансцены.

— Несмотря на то, что она шар, она есть наша кормилица, так как кормит нас своей земной грудью, и приспособлена в тяжелые минуты нас поддерживать. Все со мной согласны?

— Согласны то, согласны,—раздался голос из задних рядов,—а почему она тебя не держит?

— Это опять же не ваше дело,—огрызнулась фигура. Не на твои деньги пил...

— Та не сбивай его!—закричало несколько голосов,—он и сам собьется... Михайло Петрович, ты нам о земельных законах расскажи!

— М-можно,—ответила фигура. — Н-на земли—могу. Так... Вот в законе божьем предусмотрено, что земля есть шар... О-он читал я в книжке, что есть на лицо у-у химических законы, что убеждают. Потому т-тянет нас до себя...

— Кого земля, а кого самогон,—рассмеялись передние ряды, незаметно для оратора.

— ...А что касается законов, то они бывают: небесные, земельные и уголовные. небесных нам дела нет; пушай ими попы маяться... А насчет прочих... Полагается, с-свышеуказанное количество земли на душу край. Это и есть земельный закон. А то другое. Скажем, ежели наш предсельсовета Г-Горчук отобрал у вдовы Феклы Мычки зем-хату и оставил ее обремененной семейными обя-ательствами, окромя четырех ртов,—это и земельно-уголовный закон...

Собрание притихло, предчувствуя бурю. В начале речи скрывшийся за кулисами, вынул голову, собираясь что-то сказать, но перхнувшись, нырнул обратно.

— Ты не кашляй и не возражай,—крикнул ему оратор.—Я законы знаю...

— Правильно! Правильно! Крой его!—зачало несколько голосов.—Он с кулаками за-

— И насчет моей земельки замолви вечно, кормилец,—пропел женский голос.

Из задних рядов поднялась мощная фигура кузнеца Егора и, зловеще хмурясь, подошел к сцене.

— Законы, говоришь, земельные?—загремел Егор.— А кто Ермилину З с половиной д-тины общественной земли отрезал за пять дер самогона и сапоги со скрипом? Снюхался. Вы, значит, нам, а мы вам.

— Прошу не намекать,—обиделся оратор, потому, самогон не может иметь касательство к земельным законам. А кто против, та-могу постоять...

— И посидишь! Сам то ты, оратор х-р-вый, откуда сейчас пьяным припер? Известно одна компания!

— Чего на личность переходишь? Я тебе докажу, как против земельных законов и-И сделал отчаянный прыжок, оратор бросил к обидчику...

Пожалуй, собрание по вопросам земельного характера окончилось бы очень печально, а некоторых даже слишком по земному—«из земли взят и в землю обратись»—если бы этот момент не раздался зычный голос старосты сельсовета.

— Тов. предсельсовета! Та где ж он? Та комиссия земельная приехала. Требуется...

Селяне бросились из помещения. Осталась нем одинокая фигура оратора. Прыжок не оправдал себя, и оратор растянулся на полу, начав через минуту задавать храповецкого и всем своим видом подтверждая закон земного притяжения...

ТУЗ.

ПО ПОВОДУ.

В одно прекрасное утро к нам в редакцию явился некто (смотри на рис. внизу) и, слегка опершись на небольшую, довольно изящную тросточку, заявил:

— Желаю у вас фигурировать!

— Что-ж, можно,—ответил Гаврило Петрович.—Только вы маленьчко дверью шиблись. Вам, может, суд надо? На процессе судебных работников желаете фигурировать?

— Нет! Я знаю, что говорю!—загремел пришедший, помахивая перед носом секретаря своей тросточкой.—Не вы ли Гаврило будете?

— Не я,—ответил уже из под стола секретарь.

— Значит, вы Гаврило будете?—обратился он к Гаврило Петровичу.

— Буду ли, не знаю,—вдохнул тот,—это дело конторы,—а что я есть самый Гаврило, обжалованию не подлежит.

— Дядя! Так это ты? Я твой племянник, Миша Нетудыкин! Прийди в мои объятия!—завопил посетитель и бросился к Гаврило Петровичу.

Делать было нечего. Пришлось прийти в объятия со всеми вытекающими отсюда последствиями. Еле вырвался Гаврило Петрович. Впрочем, при помощи всей редакции, в лице секретаря, не исключая курьера и уборщицы. В глазах у всех при этой трогательной встрече дяди с племянником застыли слезы умиления.

Прийдя—из объятий в себя, Гаврило Петрович сделал попытку вспомнить, откуда у него племянник мог взяться? Правда, была где то, не то в Изюме, не то в Змиеве сестра, да не то не его, товарища сестра. Да и умерла она 10 лет от роду.

Но раз человек говорит, что племянник, не откажешься же. Не станешь же родственные чувства заперти держать.

— Миша! Так это ты? Ишь, как вырос! Если-б я тебя на улице встретил, ни за что-б не узнал,—уныло пролепетал Гаврило Петрович. А редакция в лице секретаря долго жала Нетудыкину руку.

Меж тем Нетудыкин рассказывал:

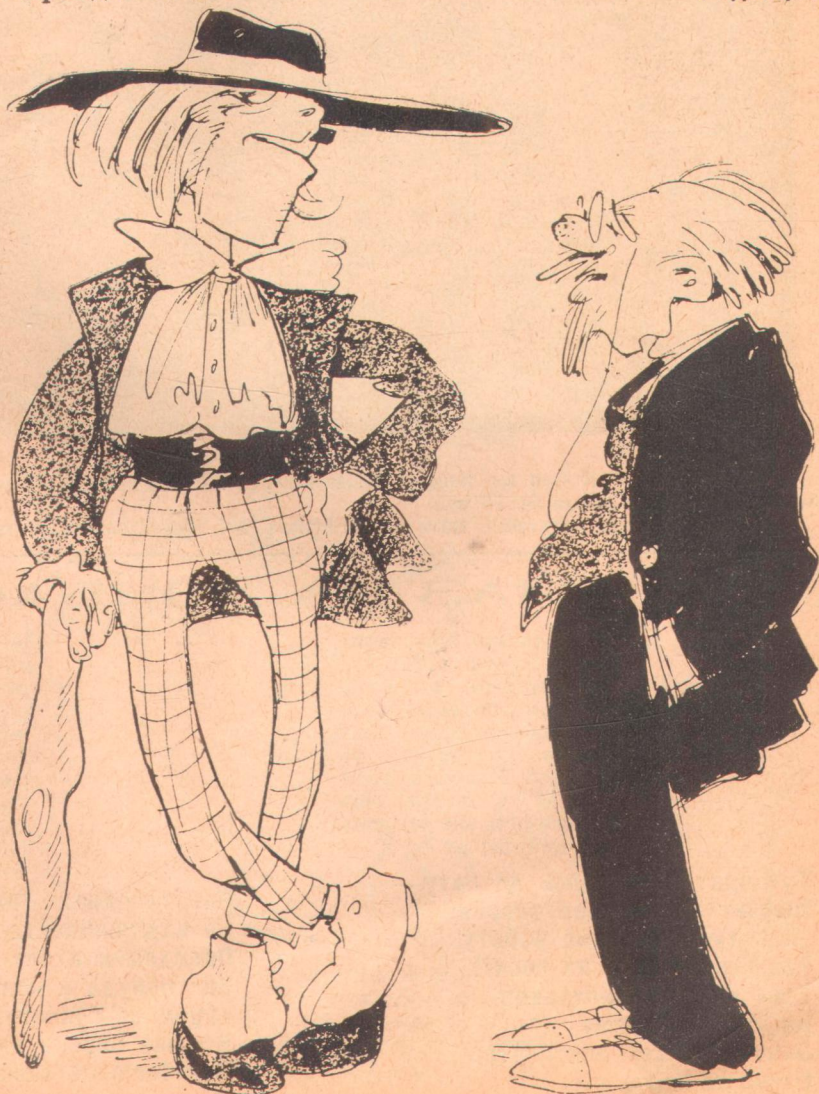
— Тесно мне, понимаете, в своем захолустьи стало. Мне бы работишку во всесоюзном масштабе! Душа к большому просится. Как это сказал поэт:

„А он, мятежный, ищет бури“...

Это он про меня...

Беседа затянулась далеко за полночь. Таким образом, этот день в редакции озарился тихим светом большой семейной радости, а маленький невзрачный человек, Миша Нетудыкин, сделался героем этого дня, будучи единогласно принят в число сотрудников.

Вот и все пока. Читатель поинтересуется, кто же это рядом с Нетудыкиным стоит? А это интервьюер газетный,—отбою нет от них Нетудыкину. Речь идет о качестве продукции. Нетудыкин изволит высказывать свое мнение. Редакция.

НЕПОПРАВИМОЕ БЕДСТВИЕ.

В Полтаве из-за 75 руб. памятник
Н. В. Гоголю, сделанный еще в 1914 г.,
валяется в ящике на складе б. губземства.

ХЛЕСТАКОВ:—И чего вы, Николай Васильевич, не протелеграфировали мне? Я-б им тут такую ревизию закатил, что сразу нашли бы 75 руб.

ГОГОЛЬ:—Увы, Хлестаков, меня тут не поняли, а у ревизоров теперь требуют мандат от РКИ.

ГЛАЗ НА ДОНБАСС.

На Брянском химзаводе в отд. дистилляции бывают случаи, когда рабочие, наглотавшись газа, на следующий день не могут выйти на работу. Просьбы рабочих об установке вентиляторов ни на кого не действуют.

Тут братва—трудясь до поту—
Мыслит так, душой скорбя:
„Как тут выйти на работу,
Раз выходишь... из себя?!
Если химадминистратор
Не научен ничему,
Значит, нужен вентилятор
Перво-на-перво ему“.

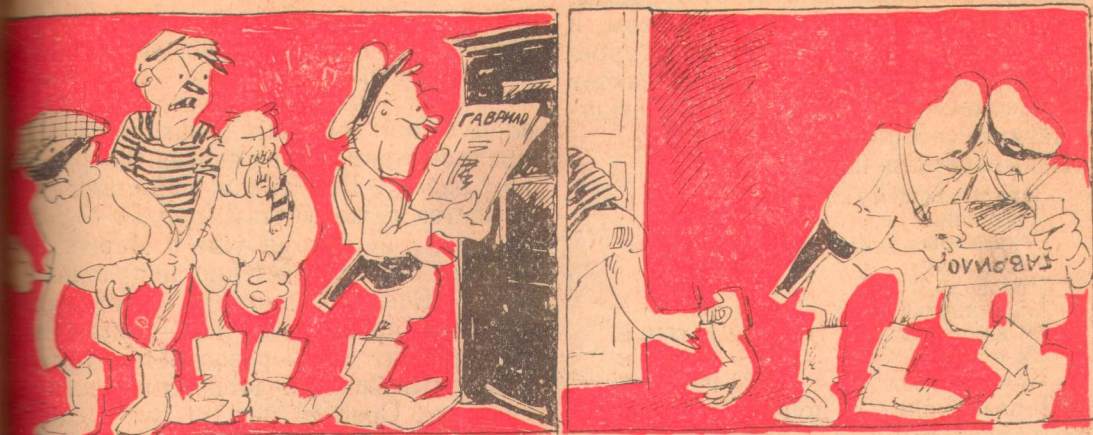
В Кадиевке паровозы проезжают по территории бензольного завода и достаточно одной искры, вылетевшей из трубы, чтобы взорвать завод. А завмеханотделом Кадиевск. р-на не принимает мер, чтобы сделать сетки для паровозных труб.

Зав твердит: „Уймись, детки,
Не надсаживайте грудь!
Обойдемся и без сетки
Какнибудь и чемнибудь“...
«Гром не грянет». Да, похоже.
Все же парень слыхом смел,
Как бы он с завода тоже
С громом тем не „загремел“...

Кайла

Результаты ареста в стенах треста, милиции гнев и сообразительный Треф.

(Окончание).

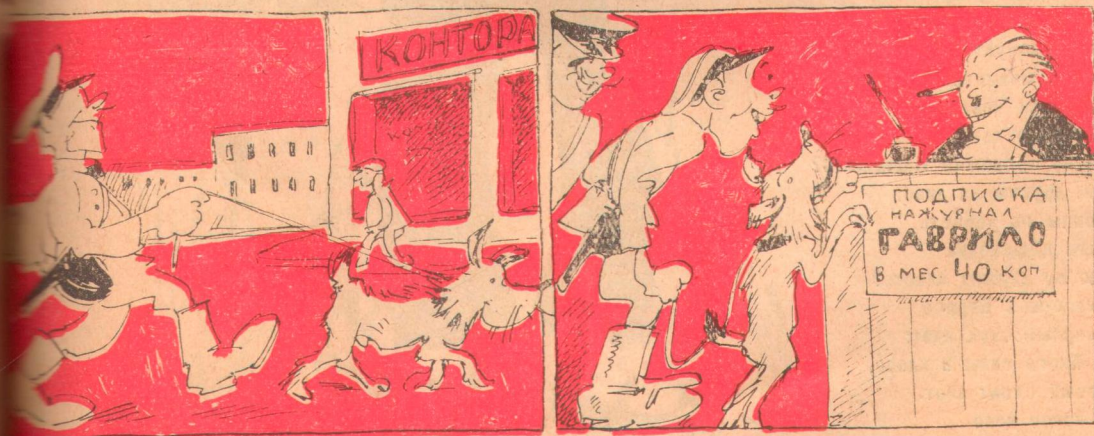
Убывши об аресте,
Ивановский в том же тресте
«Гаврило» шурит глаз:
Вот умора! В самый раз!

Иванов! Гляди—потеха!
Не прочтешь никак без смеха!..
Улучив удобный миг,
Три бандита в двери—шмыг!

— Или тягу! Вот нахальство!
Уйдет нам от начальства.
— Чем, братцы, выход есть:
Надобно привести...

Тверже в пол уперши лапы,
Треф подумал:—Ну и шляпы!
Маху дали. Так и знал...
И обнюхал весь журнал.

— Пустив сноровку лисью,
Помчался мелкой рысью.
Ивановских—без забот—
Какой то он ведет.

Тех как будто озарило:
— Глянь, подписка на „Гаврило“!
А конторщик скалит рот:
— Вам на месяц иль на год?

ТУЗ.

Полет на луну.

Смелая мысль о межпланетном сообщении взбудоражила в г. Барабуле всех ответственных и неответственных.

Решили не отставать от Москвы и Запада и, после долгих прений, учредили при местном отделе записей актов гражданского состояния секцию Межпланетных сообщений СЕМСО.

И выработали штаты:

Заведывающему	340 р.
Помощнику	220 р.
Секретарю	200 р.
Управделу	200 р.
Деловоду	100 р.
Машинистке	80 р.
На канцрасходы	212 р. 66½ к.
На опыты	87 р. 33½ к.
Химику	23 р. 16— к.

Через неделю исполком признал штаты раздутыми и обременительными для местного бюджета. Пришлось урезать бюджет.

Сократили Химика.

Дело не клеилось. Порох из Московской железной дороги заслала в Сарапул грузовик, отправившийся на станцию химическими приборами, провалился в гнилом мосту в речку Грязьразводящая и все приборы разбились вдребезги.

— Вот что, товарищ, говорит следующий день заведывающий СЕМСО предисполкома, — так нельзя. Вы срываете всю работу. При таком состоянии дорог и мостов даже мечтать нельзя о полете на луну, не говоря уже о Марсе. Вы должны быть немедленно исправлены.

— Конечно, должен, — ответил предисполкома, — только не того, ремонт стоит ровно 1440 рублей, а местный бюджет... вы понимаете... не держит... Средств нет. Вы уж в следующий раз не ездите через Грязьразводящую. В круговую пускайте автомобиль.

Ася Г.

Плач над умирающим.

Польский злотый продолжает падать.

Обливаясь потом,
Изгибая стан,
Над унылым злотым
Горько плачет пан:
— Злотый ты мой злотый,
Любый мой пострел,
Молви, отчего ты
Без огня сгорел?
У меня-ль не людский
Не шановный вид?
У меня-ль Ланцуцкий
Крепко не сидит?
У меня-ль рубашек
Не продал народ,
У меня-ль Мурашек
Не в герои прет?
Где народ бунтует,
Там-ли я не быстр?
Или не ворует
У меня министр?
Ставлю-ли неважно
Виселищ я лес,
Или не продажна Наша ППС?
Иль, другим на диво,
Хлопам на напасть,
Наша дефензива
Всю не держит власть?
Отчего-ж в Европе
Скверный слух идет:
— Много силы в хлопе,
Злотый стоит злот.
На какое дело
Ты пошел пострел?
Польска не сгинела,
Злотый-же сгинел...

Точка зрения.

— Что ты так мечтательно смотришь на этого старика?
жгут. — А позади него видна пивная с хорошим трехгорным и свежими раками.

МУЗЕЙ ГАВРИЛЫ.

Два сапога пара.

Не примите, читатели, эту коловину за гвоздь. Это — железный лом. А то есть еще железный лом.

Пишут нам товарищи: Мало-Артемовское с.-х. т-во (Алчевского района), получив ссуду для выдачи крестьянам на покупку рабочего скота — не выдало денег, а объявило, что принимает железный лом по такой то цене за наличный расчет. И вот, как ночь, крестьяне отправляются на консервированные шахты за ломом. Через неделю, смотришь, ряд рудников опустошен, а железо — отправлено в гартманский завод в Луганск. Что же получилось? У государства крали, госу-дарству и продавали. Вот какие продвигают это с.-х. т-во...

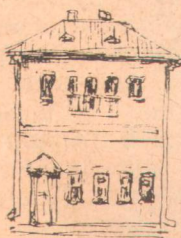
Этак, товарищи, ежели мы вывалим всю вину на с.-х. т-во, не получится, как говорят: не по коню, а по оглобле. Надо бы — и по „коню“ и по „оглобле“ — этим самым ломом... Железным.

О способах вознаграждения.

До чего наш художник добрый! Целый дом соорудил. Одним словом, это дом, который не купишь за 47 копеек.

Выдан-ных рабоче-Нижне-артемовских заводских мастерских Устимен-на за изобре-тательный новый способ изо-ляции от наводчины паровых котлов отопления пассажирских вагонов. Способ был принят, изобрет. и введен по Екатеринин-ской ж. д. Механик после дол-гих обещаний, дал т. Усти-менко 47 коп. за изоляцию од-ного котла: — На, мол, бабушка, на простоту.

Как мы видим, способ окраски был одобрен и принят, чего нельзя сказать о способе вознаграждения изобретателя: не приемлем и одобрению не подлежит.

Черти полосатые.

Посмотрит непосвященный читатель на этот рисунок и скажет: „Как будто лошадь.“

Только почему же она полосатая? Не иначе, как художник перестарался. А другой, видевший виды, ему ответит: „Чудак ты, потому она полосатая, что она есть зебра!“ Вот такие же разговоры можно услышать от рабочих рудника „Юный коммунар“ (Артем. окр.) при покупке хлеба в отд. кооператива „Заря“. — „Как будто хлеб, только почему же он полосатый? Платят белого, пласт черного, пласт чистый, пласт веревок“... Это уж секрет изобретателя, дорогие товарищи. А вот поди же, такому изобретателю 47 копеек не дадут. И правильно, цены ему нет. Ни гроша он не стоит.

„Торговали кирпичем...“

Морда, которая просит кирпича. Только не подумайте, что она имеет отношение к Бердянскому ОКХ. Правда, затеял ОКХ весной обжигать сырец-кирпич, даже обжежика из союза пригласил, договор заключил; но потом раздумал и благородно отказался уплатить рабочему за то, что тот возил кирпич. — „Это — говорит завхоз частью т. Найден-нов — в счет будущих благ“.

А завпротделом т. Горюнов добрее оказался. — „Приходите в понедельник, говорит, ежели денег не будет — кирпичем возьмете... А сырец

кирпич лежит под открытым небом и раскисает от обилия дождей. Как это говорится: „торговали кирпичем и остались не при чем“... А при чем же тут личность, изображенная на рисунке? Это мы просто так выставили. Когонибудь выставить да надо?!

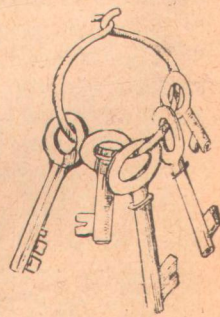
Катитесь!..

Взглянув на этот экспонат, читатель определенно скажет: „Это — зуб! Вот здорово изобразили!.. Истину выговорите, дорогой читатель — зуб это, зада-аровый зуб! Даже больше: зуб, который имеют рабочие Мариупольского госзавода на фельдшера приемного покоя. Лечит этот фельдшер зубы по самому новейшему методу: „берет откуда-то медную проволоку и довольно долю ковыряется в ваших зубах. Даже глаза лезут у вас на лоб“. Вот как лечит этот фельдшер зубы и не только лечит, но и заговаривает: — Не нравится, катитесь к частному врачу!.. Что ж, вполне резонно. По крайней мере, откровенно. Мы тоже люди откровенные. Неправильно вы нам, товарищ фельдшер. Катитесь!..

Распорядительность.

Вот еще один экспонат: ключи. Мы их не зря помещаем в музей. Среди этих ключей, желающие могут подобрать ключ под администрацию завода „Победа труда“ (Артемовск. окр.), не заботящуюся о ключах для станков. „В болтовом цехе завода на 15 станков имеется всего один ключ. От нехватки ключей страдает производство“. Картина ясна: страдает производство, страдают души рабочие, видя „распорядительность“ администрации. Остается только, чтобы и сама администрация пострадала. А следовало бы...

Шелковая бедность.

Русские шелковые изделия исключены из списков предметов роскоши. Шелковые ткани будут доступны каждому трудящемуся.

— Мой то пред насмеяться надо мной стал..... Пошел ето прямо с полочки... Куда-бы вы подумали?...

— В пивную?

— Кабы в пивную, так ето еще-бы полгоря... А то в шелкотрест поперла его нечистая...

И приносит ето мне... чтобы вы думали... Всякой шелковой барахлы... фаи там да тафты, да либерти, прости господи.

— На — говорит — жена моя, пользуйся, потому как я на свой 8-й разряд ничего подороже тебе справить не могу...

— Ах окаанный... А ты, что-же, смолчала ему?

— Как тут смолчать, когда обидно. Вон Сенькина Мотья — рыло такое, што автомобили на дыбы становятся, так ейный муж самого настоящего медипаламу на сорочки купил, а на юбку бумазеи... Потому жену любит и поважает.. Ну, известно, мне обидно. Я ему так деликатно и намекнула:

— Что-же ето ты, сволочь такая, чтоб тебя черти, окаанного, забрали, — где ты взялся на мою голову, что-же ето ты мне всякое дешевое дерьмотыкать в нос будешь? А чтоб тебя оспа всего истыкала!..

— А он что?

— А он, звестно, грубиян, бандит, одно слово... Ругается.—Я, говорит милая моя, не в состоянии тебе ситцы покупать, да бумазеи... Потому заработку моего еле на шелк хватает.

— Ахти, господи! И мужья теперь завелись... А сам-то небось франтом разоделся?

— Куды там... Не подступи! Шелк из самого лучшего рядна пошил, жак из бумажной шерсти, а сорочку из самого настоящего миткалю пошил.

— Мне — говорит — в люди ходить надо, а тебе — говорит — по соседкам точить и в шелковом хорошо будет.

— Ну, знаешь, кума, сердце боится. В люди показаться не могу, потому босу ногу ботинки одевать не годится.

— Как так на босу ногу?

— Да так. Нитяных чулок мой муж христ купить не хочет, денег жалее. В фильдеперсовой дешевке срам показаться, одно слово...

— Бедная ты моя... Что-же ты перь делать будешь?

— А уж не знаю... Вот у Авдеева остались еще с мирного времени половые тряпки... Три курицы с петушками просят... Пойти взять, что-ли... Потом тряпки, ежели помыть хорошенько, юбка будет самая шикарная... потом бязь — самая настоящая...

Мартын Задекин

Утро обывателя.

Молоко приносят ровно в пять, Не дают, как следует, поспать. И с досады, черт их всех возьми, Дрыхну, как младенец, до восьми. Эдак в восемь — не будильник, нет, Будит треском тысячи ракет И мычаньем тысячи коров. Стичка двух соседних номеров. Вероятно, у семейства Пок Чья-то кошка скушала борщок. И хозяйка, волю дав слезам, Отомщу, — кричит, — ведь муж мой... Нет тоскливей быта и серей: В коридоре хлопанье дверей, Шарканье сандалий — путь один: Тем „для женщин“, этим „для мужей“ Стук. С повесткой дворник Ферастов. Ну, конечно, взносы на ремонт. Я на кухню. В кухне ждет меня Утренняя бабья болтовня. Словно кучу тлеющих костей, Наворотят ворох „новостей“ И со смаком гложат их взасос. Под жужанье примусов, злых ос. Говорят, что я растратил сто Или двести и купил пальто... Языки острей змеинных жал. Я из кухни в панике сбежал. На парадном кошками разит. Сломан лифт, но есть иной транзит: На перила скользкие верхом Сел и покатился колесом...

М. Сазонов.

Выход.

(Рассказ приятеля)

Первым секретарем месткома был у нас Иванов; славный такой, обходительный; свою любил очень, а о профсоюзе без слез, и говорить не мог. „Союз, говорит, концентрация активных масс пролетариата“. Вдруг, вообразите себе, ревизия, похвать, а членских то денег 421 руб. нет, как королева языком слизала. Вот тебе и концентрация! Ну, конечно, взяли, под суд отдали.

Затем выбрали Пыжикова — растратил, Рыжова — растратил, Мыжикова — не только, союзные деньги растратил, но и разные и профлитературу на Благбазе

Что тут делать? Созвали общее собрание: выбрать, кого выбрать, чтобы, значит, деньги были. Если избрать, скажем, семейного, деньги таскать станет, если холостого — хуже того, транжи- будет и на девиц

Человека зажиточного, домовладельца, конечно, неудобно как-то и ненадежно: не сытый уважать копейку, все как эмукает. Ежели актив, размышляем, секретарем сделать из нужды таскать. Если мужчину — тратить станет, женщину — по сла- своего сословия балансе не удержится. Куда ни кинем, дело выходит клиентеле даже голова закру-

Вдруг, поднимается слово наш Запяткин и говорит:

— А знаете, что, граждане? Выберем мы кого и делу конец; ну бы таким способом, зашмырившись, пальцем в спину трудников. — Вот! Ну, например. А касается результата, ручаюсь, что они одинаковы.

— Это, — кричим, — без твоего батька Ты других результатов добейся.

— Я — кричит — о других и говорю. Я — говорит — такой способ придумал, что даже распроперерастатчик, и тот из нашей кассы копейки не вытащит.

— Что, как? Говори, объясни! — кричим хором.

Ну Запяткин и объяснил.

— А теперь — говорит — выбирайте хоть самого отъявленного мошенника — все равно безопасно.

Ну выбрали мы Запяткина.

И чтобы вы думали? живем мы теперь, „как у Христа за пазухой“, никаких растрат и хищений!

А Запяткин так даже на весь город прогремел: из округа, говорят, на него взглянуть приезжали.

И все это, знаете, почему?

Потому, что членские взносы каждый сам в Губотдел вносит.

Ловко?

С. Чмелев

Среди футболистов.

— Значит, будем скоро немцев бить?

— Как, неужели война?

— Нет... едем в Германию на матч.

„Неприятность“.

По служебной линии у меня неприятность вышла.. Чуть через нее на всю жизнь погибший не остался.. И опять все по бабей вине... Это мне уж, стало быть, такую звезду бабью судьба подсунула, что где у меня на житейском пути паскудство какое лежит, безусловно бабьими руками подложено оно...

Вот послушайте.. Прихожу я в прошлый вторник на завод, нумерочек снял, спецодежу натянул.. все чин-чином, как требуется.. Иду в цех. Гляжу, ребята на меня глаза пялят, бледные становятся, и все, как есть, от меня назад отступают.. И молчат.

Что за дьявол!—думаю.. Неужто я сегодня такое страшилище!.. Может, физиономия спячканная?.. Бегом к крану—чисто моюсь, насухо вытираюсь и опять в цех... А ребята опять попржнему глаза пялят, шушукуются... Один газету взял, смотрит, тычет соседу в нее пальцем, кричит:

— Он! Без сумления, он! На, вот, явственно же писано...

Зло мне взяло.. Что за загадка такая? Думаю...

— Ребята, говорю. Что это вы все на меня пялитесь, и назад, как бы сказать движение производите? А?

А они еще сильнее отступления делают.. Только один Федька Рябов, накатчик наш, боевой он парняга... духу набрался и до меня с напором...

— Ты чего, грит, Алеша, в мертвом виде на работу пришел? Тебе в гробу лежать теперь, а не за станком стоять... раз, ты умерший...

— Кто?. Я умерший?.. Каким же это манером я умерший, ежели у меня об этом никаких сведений?

— У тебя нет, а у нас есть... На, газету: явственно писано:—Алексей Петрович Громов, рабочий завода „Октябрь“.. скончался. Вчера.. В понедельник.. Как же так, чтоб не ты?.. Нешто у нас на заводе другие Громовы есть?.. Да—еще Алексей—Петрович?..

Смотрю в газету—безусловно я... спорить зря не буду... Умерший я по газете числюсь окончательно...

— Что ж, грю, ребята! Раз в газете сказано, подчиняюсь... Только мне выяснить надо, почему без моего ведома...

— Ладно, говорят ребята.. Выясняй!.. Нам дела нет.. Твой интерес,—тебе и выяснять.. Наше дело подписку на венок открыть, потому как ты товарищ хороший у нас считался... И мы тебя ознаменовать желаем...

Я—в завком, чтоб записку на отлучку по такому случаю взять, а там уже по табели отметка о моей кончине сделана...

— Можно, спрашиваю у завкома, мне отлучиться на предмет выяснения причины моей неожиданной и неизвестной мне смерти?..

— Иди, грит, предзавком.. Мы тебя все одно несуществующим числим...

Я с завода на трамвай, чтоб домой... А кондуктор знакомый, каждый день с ним езжу, весь как стена, патается, на вагон меня не пускает, крестное знамение сподтишка от публики сотворяет...

— Господи помилуй, шепчет.. Не сон ли это мне чудится?.. По газете вы покойник считаетесь.. Как же я вас в вагон пускать могу?..

— Пушай, говорю.. Плевать... Врет она, ваша газета.. Раз, ежели без моего ведома—не признаю я моей смерти...

Сел в вагон и домой. До ворот специально порядком добегаю: смотрю у моей квартиры народу тьма.. Орут, галдят... Подхожу...

— В чем тут, спрашиваю, дело?

Как взвизгнут все, как разбегутся рическими припадками от меня.

— Вот же! кричат все.. Живой он!.. Вошедший Алексей Петрович...

В комнате, смотрю,—жена в обмороке, бессознании на полу лежит, водой ее обливают...

— Дуня, кричу я до жены.. Алеша, Андреевна.. Спокойся вполне.. Не умершая в полном смысле живой... На, смотри и ждайся.. Еле она глаз один раскрыла, сквозь щелочку глазную на меня мимоле взгляд бросает, потом жмется, опять в обморок положение переходит...

— Плохо мне, Алеша!.. Тяжело очутился в середине!.. Спасти меня сейчас требуется Доктора зови!

Берусь за карман, нет страховой книжки, чтоб рабмедного доктора на вызов... Не потеря у меня...

— Дуня, говорю до жены.. Спокойся, лость!.. Несчастье, говорю, получается... Поискал я страховой книжки не обнаруживаю... Моей спрятанная она у тебя где?..

Качает она мне сквозь обморок голову, мол, нет, не спрятанная...

— Акулине, грит, Прониной, тетке на временное пользование дала. Как сын хворый, без средств... Книжки в нем надо до ей послать...

Ахнул я. Ноги под меня подкосились. Кровь вся, как замороженная.

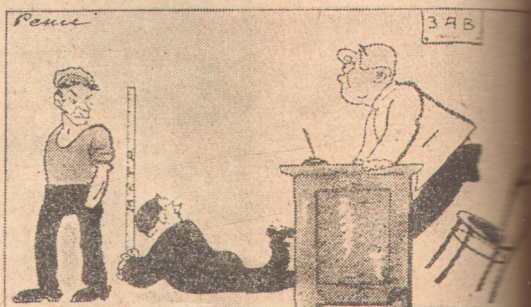
— Вот, говорю.. Все, стало быть, так ясно!.. Акулинин сын, значит, умерший по моей он книжке смертную реестр себе произвел... А те в газету дали... Вот неприятность какая получается...

И опять же, кто виновен, коли не собственная же она мне, родная, можно сказать, жена... А какую гадость неприятность сделала...

Я. М. Поляков

На свой аршин.

Начальник 5-го уч. участка (Николаев) отказался пускать на работу командирскую группу рабочих, на том основании, что они „мелкорослы“.

НАЧ.:—Вон отсюда! У тебя не хватает миллиметров в росте.

РАБОЧИЙ:—А как же ты сидишь здесь у тебя всех семи пядей во лбу не хватает?

Под гармошку, обо всем понемножку.

22 июля с/г поезд № 408, заказанный ДСП ст. Лозовой к 16 ч. — отправился лишь в 23 ч. 50 м. Кто же ответит за пережог угля (150 пуд.) и простой паровоза (6 ч. 30 м.)?

(Рабкор).

Жена заведующего совхозом при Красноармейском сахарном заводе ст. Яготин гр. Волкова заставляет домашнюю работницу мыть ноги мужу, себе и матери-старухе.

О. И. М.

Где же совесть этой тройки? —
Спросим мы в итоге.
Видно, после первой „мойки“
Перешла вся в ноги.

Т-3.

РУКОВОДСТВО

для прекращающих курить.

Здоровье трудящихся ныне восстанавливается в курортах и растрчивать его на такие пустяки, как курение, не стоит. Кроме того, фабрика „Чужого“ закрылась, и вместо дореформенного „одолайтесь“ ныне выброшен новый лозунг: „купишь-куришь“.

Трудящимся, прекращающим курить, посвящаем наше руководство, составленное на основании опыта многих миллионов заправских курильщиков СССР.

Отправиться в Загс для расторжения договора со своей табакеркой — является совершенно действительным средством в деле прекращения курения. Вы встретите насмешливые взгляды работников Загса, кто-нибудь из них вытянет свой сигар, сочувственно вздохнет, закурит, и по окончании, предложит вам папиросу. Вы затем, и работник вам расскажет, как он сам хотел избавиться от этой плохой привычки, что здесь гораздо легче избавиться от плохой жены.

Поэтому мы советуем начинать не с Загса, а с табачного лотка. Проходя мимо него, вы останавливаетесь, смотрите в противоположную сторону, разглядываете витрины дамских шляпок, семян местного узем-отдела. Вас тянет посмотреть к лотку, но вы, помня лозунг „лицом к лотку“, стойко восхищаетесь семенами лука и картофеля. Вас может зазывать словоохотливый и разбитый приказчик из „Епо“, но вы видите, что не слышите его, а если вам все же удастся, то отговариваетесь необходи-

мостью поспеть на службу, хотя разговор происходит еще в неслужебное время и у самых дверей учреждения.

На службе, испытывая острое желание закурить, вы убеждаете себя в полном безразличии к папиросам и в пристрастии к леденцам, предусмотрительно захваченным из дому. Вы сосете их, но не можете сосредоточиться на деловых бумагах и вспоминаете голодный год, когда леденцы выдавались по карточкам поштучно. От этих воспоминаний вам становится немного жутко, но вы это стойко переносите, потому что решили раз навсегда бросить курить.

По возвращении домой, вы ложитесь на диван и мечтаете о коробках папирос различных форматов, о пачках табаку и премиях в гильзах. На ваших зубах скрипят приевшиеся за день леденцы, вам кажется, что рот ваш набит камнями, и вы с отвращением выплевываете обсосанные стекляшки. Еще до сна вы успеваете поссориться с женой, по самому пустяковому поводу, и высечь сынишку совершенно ни за что.

Ночью у вас кошмары. Вы видите, как горят табачные фабрики, как гибнут от землетрясения папиросные лотки, как вас вместо обеда кормят леденцами. Вы просыпаетесь в поту. Вы предчувствуете этот ужасный день, который только начинается и вам становится страшно. Вы уверены, что еще раз пережить его не сможете, и посылаете заплаканного сынишку к обрадованному лотошнику.

Наше руководство вы бросаете в печку, потому что теперь достаточно опытные сами в деле прекращения курения и можете издать свое собственное руководство по этому вопросу.

Владимир Симушенко.

БУДЬ ГОТОВ!

В СССР прибывают делегации
иностранных учителей.

Центральная Научная
Библиотека

БУДЬ
ГОТОВ!

ПИОНЕР: Нашу красную обитель
Посетив, скажите там,
Что мы шлем привет, учитель,
Малышам-ученикам.

УЧИТЕЛЬ: Жди—в Европе изуверской
Скоро из миллиона ртов
Клич раздастся пионерский:
— Будь готов!

— Всегда готов!

56334